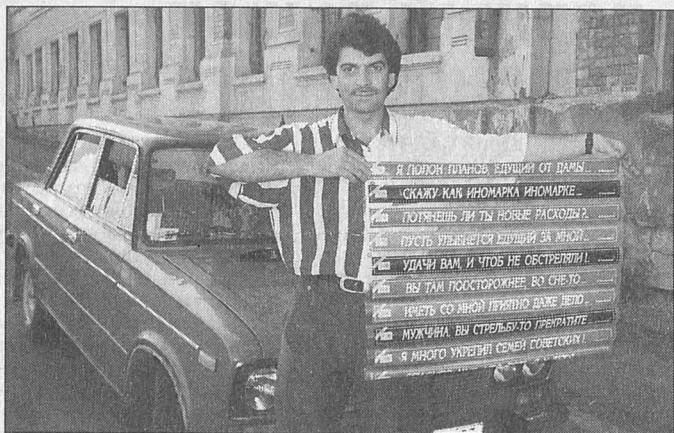

Диван поэзии

Новые Известия. — 2002 — 26 дек. — с. 7

...и Владимир Вишневский

ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ

Маленький бизнес оптимального поэта.

...и Владимир Вишневский.
«Десять лет, которые,
или Страна «Из рук в руки».
«Пронто-Москва», 2002

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Конечно, не Владимир Вишневский открыл минимализм, но именно он придал этому жанру народность и теплоту. Он сам вынес себе жестокий поэтический приговор: «И долго буду тем любезен я и этим». Откровенность, отсутствие пафоса, остроумие — это, конечно, еще не поэзия. Может быть, даже совсем не поэзия. Но когда это запоминается, передается из уст в уста и даже шепчется на ушко в течение десяти лет и более, можно заподозрить настоящий успех.

Дело в том, что у Вишневского строка и личность полностью совпадают. А это уже поэзия. «С утра я не готов голосовать...» — за этой строкой сто тысяч пьес, и каждая о ком-то, и обязательно о читателе. Эффект узнавания себя в так называемом лирическом герое дорогого стоит. Его ни за какие деньги не купишь. «Так вот кому ты, сволочь, отдал голос...». Единственное, что грозит Вишневскому и даже может погубить его, как поэта, — избыточная загруженность. Ему приписывают слишком много. Так и хочется сказать словами самого автора: «О, я не тот, кого вы заказали!..».

Выступая на презентации в клубе «Библиос», Ирина Хакамада искренне воскликнула: «Я не знаю, кто ты — разрушитель или создатель современной литературы». Все дело в том, что он и то, и другое. Мелькает читатель, минимизирует поэзия. Литературы, не зависимой от читателя, не бывает. Читателей не выбирают, в них живут и умирают. Вишневский предпочитает жить. Можно, конечно, идти путем Хлебникова или Мандельштама, превращая себя в живое посла-

ние грядущим векам. Этот автор живет здесь и сейчас. «Иметь со мной приятно даже дело...». Приятно, но не более. А поэзия все-таки более. Вот и сказал приятнейшему автору и прекрасному человеку нечто неприятное. Прости меня, Вишневский, но: «Сомнения поэта. Наплывы. Провал. / Я где-то все это уже цитовал», — где-то я это уже слышал. Может, у Саши Черного или у Олега Григорьева? Какая разница. Ироническая муза XX века успешно пережила свой век и продолжает жить в XXI. Хорошо это или плохо, судить не берусь, но факт долготельства несомненный. «Я много укрепил семей советских...». И еще: «Да, поздно мне снимать кандидатуру...». Вишневский состоялся, и это навсегда. Ведь других 90-х у нас уже не будет. А если убрать отсюда Вишневского, то что останется? «Мужчина, вы стрельбу-то прекратите!». Ведь все и сейчас продолжается. Ну, а «потянешь ли ты новые расходы?». Это, «скажу как иномарка иномарке», вопрос вопросов. «Через целую жизнь я пронес / безответный еврейский вопрос».

Не буду лукавить, маловато мне всего этого. Одним словом: «Я повторяю свой вопрос: «Ура?». Теперь сознаюсь, Вишневский — это уже классика и... клиника. Что делать, если страна такая, время такое, да и сам такой. Клинический случай поэзии Вишневского это, конечно, диагноз, но прогноз благоприятный. Его поэзия выжила со словами: «Я умираю, но об этом позже...».

Не каждый может в одну строку впаять всего Пушкина или всего «Онегина». «На этот раз тебя зовут Татьяна...». Как ни странно, этому поэту-минималисту грозит только многословие. Не буду цитировать его длинные тексты, потому что они длинные. Однако и одна строка может стать многословной. Когда много-много страниц и все заполнены односложными, вдруг выясняется, что они длиннее «Тилемахиды». Опять же не буду цитировать не-

удачное. Зачем? О музе Вишневского я сказал бы его же словами: «Ты снилась мне... И ты же разбудила!..». Все критики одинаковы, «и устарела старина. И старым берedit новизна» — это Пушкин, а мог быть и Вишневский. Так что не будем упрекать Паганини за игру на одной струне. До него никто этого с таким размахом не делал. Всю жизнь на одной струне! Играть замучишься. А вот слушать как раз и не надоест, если играет маэстро. Словом, «уже неважно, сколько раз — спасибо, что вообще кукует...».

Многие путают легкость восприятия с легкописанием и даже легкомыслием. Легкость в мыслях необыкновенная всегда дается с трудом. Чем строка удачней, тем она очевиднее после того, как написана. Многие стихи Вишневского будто бы написаны до него. «Любви моей не оплошай согласьем...». Надо же, всю литературу и даже всю жизнь вобрал. Ну а это просто стало заповедью: «Спасибо мне, что есть я у тебя!». Спасибо, но «не так я вас любил, как вы стонали...».

Я думаю, что поэзия Вишневского не столько в его строке, сколько в многоточии. Интересно, что бы делал поэт, если бы этого знака не было? Пришлось бы изобрести. Все одностопия по одному принципу: «О как внезапно кончился диван!». Ситуация схвачена. А что еще требовать от поэта? Вишневский в России не больше, чем поэт. И слава Богу. А то столько людей занимается не своим делом. Русские проклятые вопросы лучше его никто не решил. «Что делать — знает тот, кто виноват...». Вишневский подлинный. В нем нет ничего наносного. «Сверччеловек я!» (но об этом Ницше). Словом, «жить надо так, чтоб не сказали: «Помер». Вишневскому это удается. Диван его поэзии широкий и длинный. Есть Диван поэзии персидских авторов, стилизованный Гёте, и есть диван поэзии Вишневского, который, дай Бог, не скоро кончится.